

Псой

Человек-перформанс

Так давно не смеялся до слез, что успел забыть, как это делается. Не то чтобы угрюмость одолевает, наоборот, смеемся много, по любому поводу, но до слез, до икоты — не получается. Какая-то мозоль нарастает на том органе, который заведует этой эмоцией. И вот концерт в московском клубном подвальчике. Накурено, полсотни человек с

пивом на крашенных столиках радостно таращат глаза на маленькую сцену. На сцене, за клавишами человек ярко выраженной еврейской национальности поет куплеты. Поет, приседая от усердия, выговаривая слова звонко и пафосно, как на пионерской линейке. Куплетиста зовут ПСОЙ ГАЛАКТИОНОВИЧ КОРОЛЕНКО.

Взвешивал — 2001. — 16 окт. — с. 9

Алексей ТОРГАШЕВ

Куплеты следующие: «Аля Улю, Аля Улю, сегодня все не как тогда, сегодня я тебя люблю, моя любовь тверда, тверда...». «Отвори мне двери, Боженька-Божок, не пошли меня с моей песней. Помоги мне верить, Боженька-Божок, в то, что Ты живешь с нами вместе...». «Больше не грехи, в рот не халь чужого, не произнеси матерного слова, и не возжелай жены брата своего...»

Время от времени куплетист срывается из-за инструмента и скачет по сцене с дикими ужимками и криками: «Оп-ля! Ух! Эх!» И каким-то образом этот жуткий коктейль из матерных песен, средневековой дидактики, пионерского пафоса и невероятной серьезности пробивает мозоль, нарощую в сознании, погружает в детский восторг перед самим процессом жизни и заставляет смеяться до слез.

Про Псоя в последние два года написано много. Если суммировать, то получится вот что. Самый маргинальный из всех маргиналов от музыки, фактически один в созданном им самим направлении под названием «Стиль Лох». Всеяден, использует для песен любой субстрат — французский шансон, псалмы, соц-арт, детские песенки, бардов, национальные архаисты. Выступает повсеместно: по клубам — с концертами, в университетах с широкой географией — от МГУ через Тарту к Грацу и Вене — с концертами-лекциями, изобретенным им самим жанром, в троллейбусах, банях, планетариях, даже в Невской куртине пел, но основная площадка — популярный у продвинутой публики Проект О.Г.И. Как раскручивался — не известно, говорят, через сайт rsoy.ru, но уже успел записать диск и готовит второй.

Сценический псевдоним помил, работая над диссертацией о писателе Короленко, — прочитал его письмо брату: «Родись я в Псоем святого Псоя, быть бы мне Псоем Короленко». Альтернативный Короленко такой... Обсуждается, причислять Псою к постмодернистам или, наоборот, к бардам каким-нибудь. Единого мнения до сих пор не выработано, сам Псой категорически отказывается считать себя постмодернистом. И правильно: постмодерн по определению не способен растрогать. В наше суровое время взрослому вообще плохо думается об искренних чувствах, небезопасно это. Но Псой проделывает следующую штуку: ставит защиту над искренностью — матом, стебом, криками своими. Взрослый смотрит на это и думает: «Ага, смешно! Безопасно!» В следующий момент взрослый думает: «А чего смешного-то? Человек дело говорит!» И получают слезы.

Псой КОРОЛЕНКО:

Лотмана няня на ночь не читала

— Откуда ты такой появился?

— Семья обычная. Отец инженер. Мама — редактор переводов. Впрочем, дедушка для меня важная фигура. Он был очень старый, в этом возрасте обычно прадедушки... Учился за границей, при царе еще. Оттуда привез учености плоды, вольнолюбивые мечты, дух пылкий и довольно странный. Принес в революцию — строить и мечь в сплошной лихорадке буден. К культуре относился с большим недоверием, это отразилось на мне. Я в школе уже сформиро-

Псой Короленко: лейся, песня

вался как гуманитарий, хотя у нас в школе гуманитарий — типа дебил: по физике не может, по математике. Не рубит... Потом я всегда был графоманом, с детства, я писал романы, пьесы огромные.

— А книжки какие читал?

— Все подряд. И научно-популярные, и взрослые, и детские. Васек Трубачев — отличная книга. Воронкову уважал. Читал Воронкову? «Старшая сестра». Это при Хруще уже было. Там бабка девчонку в церковь водила, там бог злой, злые бабки верят в бога. Читал немерено Алексина, Яковлева, Крапивина, Голявкина. Западная литература, «Три мушкетера». Пушкин, Лермонтов.

Я очень любил одно время Маяковского. Он ассоциировался с какой-то шизностью, а это нам было и надо! Потом открыл для себя Сашу Черного, узнал, что и Маяковский его любил, потом узнал, что вообще было много поэтов, но многие показались скучными. Диссидентские поэты... Пастернак... Жую бумагу. Не понимаю. Я потом стихи написал об этом: Валентина Пикуля читаю — / До чего ж его проза легка. / За страницей страницу глотаю, / Наслаждаюсь игрой языка. / А Набокова, суку, читаю, — / Все равно что бумагу жую. / И невнятную речь изрекаю: / Не пойму, б...ь, я прозу твою. Когда «диссида» была актуальна, мне было достаточно «Братской ГЭС».

Интеллигентского бэкграунда в то время не получал. Лотмана няня на ночь не читала. У меня сформировался сильный отпор идее, что есть более престижная литература, которую должен читать умный. Я так никогда и не поверил в это. Как бы такой недогоумитарий.

Второе. Дедушка слушал французский шансон в огромных количествах. Это один из моих архаистов.

— А потом? Ты ведь на филфаке учился. Зачем человек идет на филфак?

— У меня был руководитель в ЛИТО, Юлий Анатольевич Халфин. И он мне сказал: «Стихи у тебя хреновые, а поэт ты в идеале вроде бы хороший. Тебе это надо потом как-то переписать или новые написать вместо этих». Я спросил: «А что же тогда делать?» — «Ты не пиши пока стихи, а изучи языки, литературу почитай... поступи на филфак». Там так же получилось, как с музыкой в детстве. Вот они учили меня музыке, существенное для себя я взял, а все лишнее отбросил, например, там, ноты...

— Сильно! Когда песни появились?

— На первом курсе филфака. Мне умные люди заранее сказали, что там не поэтов тусовка, а там хитро, там филологи, но зато там тусоваться можно. И я понял, что это прикольно, пришел, посмотрел — да, все правильно говорили

ребята. Только сначала беспокоило, что есть много людей вот этих, которым няня Лотмана читала на ночь, но это я пережил, сам стал себе такой няней. Сначала пел в тусовках, просто сидел, колбасятся люди. Я не заметил, когда меня стали знать.

В годы аспирантуры университета не посещал, саму диссертацию писал в течение нескольких месяцев перед защитой. Преподавал на подготовительных курсах. Все это потом вылилось в учебник. Хотелось обучить школьников писать не маразматические сочинения, а нормальные.

— Для тебя это важно?

— Если, скажем, мне нужно будет школу открыть, тогда это поможет. Реально я не очень об этом думаю. Но это не отброшено в задницу, в любой момент может быть задействовано. Я считаю себя в этом пункте счастливейшим человеком. Все, что я делаю профессионально, имеет самые глубинные мотивации. На уровне детских привычек, кайфов. Когда плывешь по течению, многое получается само собой.

— Как ты относишься к тому, что круг людей, которые тебя слушают, довольно ограничен? Например, та публика, что называет себя «дисент», приличные, на твои концерты не пойдет.

— Песни заведомо не ориентированы на публику, которая в целом определяется как «дисент». Песни в целом ориентированы на то начало в человеке, которое появляется прежде, чем появляется гармония. Прежде бывают парадоксы, агрессия, конфликты. Изживая все это, человек получает гармонию. А если предположить, что есть люди, у которых изначально в душе мир и спокойствие, так это прекрасно, пусть они не слушают, я их отлично пойму.

Но если люди придут с агрессией и скажут: у тебя там мат! То вот им как раз нужно поработать со своей агрессией.

— То есть у тебя язык адекватен задаче.

— Да. Мат как пример. Другой пример — работа с чувствительными символами. Приходит человек и слушает «Вечный жид», к примеру. Его проблема беспокоит. То есть она всех беспокоит — проблема чуждости, жида пресловутого. Но если у человека так болит, что он не может въехать... ну ради Бога, не слушай! Я вполне предполагаю, что есть люди, которым не нужны не только мои песни, но и вообще литература и искусство.

— Ты мог бы сформулировать, какой месседж ты несешь?

— То, что прекрасно выражено словами преподобного старца Силуана: «Держи ум свой во аде и не отчаивайся».

— Это соответствует внутренней позиции или это мечта?

— Это схоластический вопрос. В той же плоскости, как когда спрашивают: «Вернеш ли ты в Бога?»

— Я знаю людей, которые могут ответить: с девяти до шести — верю, с шести до полуночи — нет, потом — сплю. А ты веришь?

— Не в средневековом смысле. Мне близки транскрипции христианства, появившиеся в XX веке. Важна серьезность момента, например. Вот мы с тобой говорим, если сейчас будет чувство вечности, это и есть загробная жизнь, только не загробная, а вечная.

— Рассуждать в таких терминах — все равно что сказать: да ничего после смерти не будет. Страшно.

— Страшно — это правда. А так что — не страшно, что ли?